

Трушкин А.С.

6/1/89

Ленинград. Правда. - 1989. - 6 июня.

«ЛЮДИ ВЕРЯТ ТОЛЬКО СЛАВЕ»

Сегодня А. С. Пушкину — 190 лет

СЕГОДНЯ в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР открывается тридцатая Пушкинская конференция. Выступят ученые, критики, театральные деятели Москвы и Ленинграда.

Сергей ФОМИЧЕВ, ученый секретарь Пушкинской комиссии АН СССР, заведующий отделом пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

— КОГДА задают вопрос, что нового в пушкиноведении, надеются, что ученые вот-вот найдут десятую главу «Евгения Онегина» или узнают все подробности о дуэли, и, наконец, все станет ясно.

Между тем для каждого следующего поколения то, что знали о поэте предшествующие, — новое, и все — интересно. И интерес этот нарастает. Существует огромная потребность в популярной литературе и самой популярной среди популярных — краеведческой.

Связи Пушкина были непредсказуемо многообразны. Он соприкасался, кажется, со всеми нашими народами (калмыки, башкиры, тунгусы). В его произведениях все время возникают эти жизненные точки соприкосновения.

— Не уводит ли чрезмерная популяризация от Пушкина, его стихов, прозы?

— Нет! Это популярное направление существенно необходимо. Вот приезжает человек, побуждаемый именно такой литературой, скажем, в Михайловское. Он вдохновлен тем, что здесь ходил поэт, он с трепетом бродит по «дороге, размытой дождями», он чувствует свою причастность Пушкину, возвышается в собственных глазах, преисполнен самоуважения. Он — в живом соприкосновении с поэтом. Из это грекрасно.

В этом огромный смысл и наших литературных музеев. Их много, но недостаточно... Только что открылся еще один — в Гурзуфе на даче Рихелье, которую долго занимало Четвертое управление Министерства здравоохранения. Очень важное событие. Крым — особое место. Здесь скрестились пласты нескольких цивилизаций: античной, европейской, восточной. Это очень тонко ощущал Пушкин, так любивший и понимавший Крым.

В Тверском краю завершается Пушкинское кольцо. Дворец культуры железнодорожников, доведший до безобразного состояния гостиницу Пожарского, где он размещался долгие годы, наконец покидает ее. Реставраторы приступают к восстановлению знаменитого здания.

В запустении Малинники — имение П. А. Осиповой-Вульф. А между тем это место было очень дорого Пушкину. Мы привычно говорим о Болдине как символе творческого взлета. А ведь и в Малинниках поэт написал очень много — главу «Онегина», «Анчар», «Полтаву», «Роман в письмах» весь пронизан окрестностями Малинников. Но мы верны сте-

реотипам. Новое в пушкиноведении и есть проявление реального Пушкина, которого мы все-таки еще плохо представляем.

— Тем более, у каждого есть «свой» Пушкин, очень далекий порой от исторического.

— «Свой» Пушкин — это понятие стало общим местом. Но попробуем взглянуть на проблему новыми глазами. «Свой» Толстой, «свой» Достоевский, «своя» Ахматова — возможны? Едва ли! Так отчего же с Пушкиным мы так бесцеремонны? Что это — наше истинное восприятие поэта или попытка изобразить его защитником своих интересов, своих групп?

Пушкину присягают, тянут в свою сторону люди самых разных направлений. Например, появился целый ряд статей, утверждающих, что поэта погубили масоны. Пушкин — это феномен, тающий в себе массу противоречий. Любовь к Пушкину и объективна, и раздвигает. Вот еще одна проблема массовой любви к Пушкину.

— Каково ваше отношение к этому парадоксу?

— Я историк литературы, представитель академического пушкиноведения (правда, такой подход часто раздражает любителей популярного пушкиноведения), и как профессионал считаю, что задача пушкинистики — понять поэта как историческое явление, точно восстановить факты и пушкинское понимание мира, выраженное в его художественных произведениях. Жизнь Пушкина не обрывается 1837 годом. Он — явление культуры, изменяющейся в веках.

— Поясните, пожалуйста, вашу мысль.

— Я имею в виду, что любящая мысль, слово изменялись в веках и в разные эпохи звучали по-разному. Вечная вариативность слова — не искажение пушкинской мысли, а продолжение ее жизни во времени. Как писала Лидия Яковлевна Гинзбург, «я бы хотела прочитать «Евгения Онегина» девочкой, которой не разрешают читать его». Другими словами, мы не читаем слово Пушкина таким, каким оно было создано. Мы сегодня познаем его через восприятие Достоевского, Толстого, Блока, Ахматовой. Последующие культурные слои неотделимы от Пушкина. Есть Пушкин — верноподданный у престола. Есть Пушкин сталинского юбилея 1937 года. И так далее и тому подобное.

Пушкин давно стал кумиром, тем абсолютным, в который каждая эпоха вносит то, что ей необходимо. В «Путешествии в Арзрум» есть знаменательные строки: «Люди верят только славе... Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос». Очень муд-

Что нового привносит время в пушкиноведение, которое насчитывает более полутора веков? С таким вопросом наш корреспондент Е. ХОЛШЕВНИКОВА обратилась к специалистам.

рая мысль! Пушкин делится с нами своей славой. Отсюда наш интерес ко всему, что его живо напоминает. Например, к его потомкам. Ведь они — как мы, живут в коммуналках, стоят в очередях. Он родился 190 лет назад, но в его потомках мы видим как бы его продолжение. Такое близкое нам.

Все это входит в феномен Пушкина. Мир нашей культуры немислим без Пушкина, и наша задача — понять, как воспринимается он различными слоями. Без этого нельзя понять мир, в котором мы живем.

Янина ЛЕВКОВИЧ, старший научный сотрудник отдела пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР:

— НОВЫМ можно назвать либо найденные документы, либо интерпретации, либо подход, метод исследования. Как понимаем, новые документы мы находим не каждый день.

— Значит, все же главное — новый подход, метод. Совсем недавно в Ленинградском отделении издательства «Наука» у вас вышла книга «Автобиографическая проза и письма Пушкина». Казалось бы, эта тема давно изучается. Что же при исследовании для вас стало важнейшим, определяющим?

— Основное внимание я уделила дневникам и запискам Пушкина. Этой темой занимались И. Фейнберг, Н. Эйдельман, С. Фомичев и другие ученые, однако она далеко не исчерпана.

В течение жизни Пушкин несколько раз принимался вести дневник, а также писать свои воспоминания, или Записки, как он их называл. Исследуя эти записки, я исходила из предположения, что их замысел, возникший в 1821 году, претерпевал эволюцию: менялись установившиеся тематика и даже повествовательные принципы. Замысел целостного текста Пушкин сперва заменяет мемуарными фрагментами, которые потом объединяет в циклы. Так появляются «Опровержение на критики», а затем «За-

стольные беседы» (у Пушкина по-английски). При этом Пушкин не отошел и от мемуаров в их традиционной форме. Но этот замысел он не успел осуществить. Любопытно, что в кабинете поэта после его смерти почти все мемуарные наброски лежали, как бы мы сказали, «в одной папке» — поэт, несомненно, собирал таким образом материалы для осуществления своего замысла.

Мимо внимания исследователей прошел дневник, который поэт вел во время поездки в действующую армию в 1829 году. Традиционно его помещали в раздел «Другие редакции и варианты» к «Путешествию в Арзрум». Теперь он будет в томе автобиографической прозы.

— А как отыскиваются новые автобиографические материалы?

— Казалось бы, что все записи, имеющие автобиографический характер, вошли в сочинения Пушкина. На самом деле многие пометы на полях рукописей заслуживают нашего внимания. Например, в рабочей тетради, которая называется «первой масонской» (Пушкин был членом масонской ложи «Овидий» и получил эту тетрадь от своего друга и казначея ложи Н. С. Алексеева после ее закрытия правительством), на разных страницах появляются слова «любите меня» (по-французски). Записи сделаны в Кишиневе и Одессе в 1823 году. Они несомненно говорят о душевном состоянии самого поэта. Внимательный просмотр рабочих тетрадей Пушкина, который ведется сотрудниками отдела пушкиноведения (в связи с тем, что сейчас готовится их издание), несомненно приведет к новым находкам. Это могут быть отдельные слова, фразы или черновые отрывки, но все, что написано рукой поэта, ценно для нас.

Вадим СТАРК, литературовед, сотрудник Пушкинского дома:

— Известно, что одним из серьезнейших пушкиноведов на Западе был Владимир Набоков, жизнью и творчеством которого вы занимаетесь. Сейчас в круг нашего чтения входит проза Набокова. А что исследовал он как литературовед, пушкинист?

— Стихи Пушкина с детства вошли в жизнь Набокова через отца Владимира Дмитриевича. «Мой отец, — пишет Набоков, — мало интересовался стихами, делая исключение только для Пушкина: он знал его, как иные знают церковную службу, и, гуляя, любил декламировать».

Любовь к Пушкину в семье была традиционной. Еще дядя писателя К. Д. Набоков сделал перевод на английский язык «Бориса Годунова», Сам Набоков перевел на английский многие стихи Пушкина, роман «Евгений Онегин», читал о поэте

лекции в Америке.

Во Франции к столетию гибели Пушкина в «Нувель ревю франсез» Набоков опубликовал эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие». (Ровно пятьдесят лет спустя это эссе в русском переводе напечатал журнал «Юность».)

В канун 165-й годовщины со дня рождения Пушкина, в 1964 году вышел в свет набжовский перевод на английский язык «Евгения Онегина» с уникальным, почти построчным двухтомным комментарием объемом свыше 1100 страниц. От начала работы в 1949 году и до издания прошло пятнадцать лет труда, «кабинетного подвига», как назвал его сам писатель в одном из писем сестре Елене Владимировне. Ей же он пишет: «Россия должна будет поклониться мне в ножки (когда-нибудь) за все, что я сделал по отношению ее небольшой по объему, но замечательной по качеству словесности».

Интересно, что первой отдельной публикацией фрагмента будущих грандиозных комментариев к «Евгению Онегину» стала статья Набокова «Пушкин и Ганнибал».

Необычная эрудиция и скрупулезно проведенный поиск позволили, например, Набокову по имени профессора, упомянутого в биографии, назвать учебное заведение, которое окончил Ганнибал. А ведь в русском пушкиноведении об этом спорили многие годы.

Поразительная интуиция подсказала Набокову решение столетнего спора и по поводу так называемого портрета А. П. Ганнибала, принадлежащего ныне Всесоюзному музею А. С. Пушкина. «Подлинный портрет Ганнибала, — утверждает писатель, — не существует. Портрет маслом конца XVIII века, по мнению некоторых являющийся его изображением, показывает награды, которых он никогда не получал, и, кроме того, безнадёжно стилизован льестьюком». Не лишним будет заметить, насколько правым оказался Набоков в своем отрицании общепринятой атрибуции знаменитого портрета.

Десять лет спустя после Набокова независимо от него к такому же выводу привели ленинградские исследователи.

Набоков в автобиографическом романе «Другие берега», перефразируя Пушкина, выговаривает себе право: «В горах Америки моей вздыхать о северной России». Так через пушкинские стихи о неведомой прародине Набоков выражает свою тоску об утраченном Отечестве. И в снах, что «несметным странникам ланы на чужбине ночью долгой», писателю не раз грезились Пушкин и слышалось «пенье пушкинских стихов», возникли «видения, близкие всем русским, которые знают своего Пушкина и который так же неизбежно составляет часть нашей интеллектуальной жизни, как таблица умножения или другая привычка сознания».